

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.
СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Идеи. Идеалы. Идеологии

К столетию Октябрьской революции 1917 года

СЛОВО О РЕВОЛЮЦИЯХ.
ЧЕЛОВЕК ВО ВРЕМЕНИ И В ИСТОРИИ

А.Е. РАЗУМОВ

Аннотация

Революция – это весьма противоречивое явление человеческой истории. Для оценки ее значения приходится привлекать сослагательное наклонение: что было бы, если бы... Не взирая на сопровождающие ее кровь и насилие, революция может стать символом, которому поклоняются поколения, как в моей стране чтили завоевания Октября 1917 г., хотя эту революцию сопровождали террор и аресты «врагов народа», под руководством «Отца народов» Сталина. Список революций нельзя назвать однообразным. Он может включать общественные явления, начиная от насильственной смены власти, деформации общественных отношений, до «перезагрузки» ума в связи с радикальными переменами в творчестве и оценке произведений искусства или в связи с достижениями наук. Революции меняют наше отношение к миру и к самим себе. В статье предпринята попытка отследить весь феномен революций и сделан вывод о позитивном (в целом) влиянии революций на историю. Революция – это творческий акт, она соответствует и является следствием творческой активности личности. Революции раскрывают творческий потенциал личности.

Ключевые слова: революция, история, насилие, справедливость, свобода, культура, творчество, личность.

Разумов Александр Евгеньевич – старший научный сотрудник сектора методологии междисциплинарных исследований человека Института философии РАН.

Цитирование: РАЗУМОВ А.Е. (2017) Слово о революциях. Человек во времени и в истории // Философские науки. 2017. № 4. С. 7–20.

Расскажи мне не о том, что было, есть и будет,
а о чем-нибудь еще.

Гомер

Без гнева и пристрастия.

Тацит (девиз историка)

Что я разумею, тому и верю, но не все, чему
я верю, то и разумею.

Августин Блаженный. Об учителе

Господствовать легко, управлять трудно.

Йоганн Вольфганг Гёте

Человек является в мир не по собственной воле. Уходит, как правило, также не по собственному желанию, а по законам Природы, физики времени и собственной биологии. Иногда, правда, он добровольно отдает жизнь за веру и убеждения, например, за Отечество и «други своя». Отдельная тема, когда человек посвящает себя вере в Бога и даже жертвует жизнью за эту веру, т.е., я полагаю, за то лучшее, что смог в себе обнаружить. Человек не просто пловец в океане времени и звено в ряду универсальной мировой эволюции, он обитатель истории. Именно в этом своем качестве он сочиняет (или ему открываются, как некоторые думают) религии и Истину, толкующие о его нравственном долге и грядущем бессмертии. Здесь обнаруживается главное, что выделяет человека из потока времени и обращает в субъекта исторического движения. Речь идет о стремлении личности возвыситься над актуальностью бытия, попасть в миры господства системы морали и воображаемые миры надприродного. Здесь, как советовал первый христианский историк, епископ Гиппона Бл. Августин, необходимо разделять знание и веру – то, что надо понимать и то, во что следует больше верить. Как произведение равнодушного времени «я» знаю, и могу только сожалеть о ничтожности отпущенного мне срока жизни и о своем бесследном исчезновении, тогда как, обращаясь к истории, «я» пытаюсь понять смысл своего появления в мире веществ и энергий, и поверить, что такой смысл существует. Более того, появляется мое историческое время.

Человек является в мир не по своему желанию, он также не выбирает времена, т.е., в этом случае, систему социальных отношений, власть, идеологии, ценности, в которых ему предстоит творить и действовать, жить и размышлять о жизни. Времена, к которым ему необходимо (возможно, всю жизнь) приобщаться в процессе воспитания и образования. При этом к временам люди относятся по-разному. Одни консервативны и стремятся удержать условия собственного

существования, другие стремятся тем или иным способом изменить время. Иногда изменить радикально.

Поскольку я намерен сказать несколько слов о революциях, мне следует определиться с этим понятием. Чтобы не вступать в ненужный спор о значении терминов, против чего предостерегал еще Карл Поппер, скажу, что мне надо просто принять некое значение слова «революция», и не менять его на протяжении всего разговора. Тем самым мы попытаемся ограничить тот произвол туманных понятий, который часто сопровождает рассуждения о гуманитарной сфере собственных, человеческих страстей и интересов. Итак, стану считать революцией радикальный поворот развития в какой-либо сфере деятельности в области природы и общества, науки или искусства, а также решительную перемену в мыслях об этом. Надеюсь, в тексте статьи термин получит дальнейшие, необходимые разъяснения.

Революции — это весьма не простые феномены внутри эволюции, и каждая революция подготавливается реальным (где есть и вымыслы) движением истории. Поэтому наше толкование смысла революций часто зависит еще и от того, что мы считаем историей. Но понятие «история» также многозначно, как минимум, оно может обозначать предания, память и науку о памяти. «История» сама является историческим понятием и может в разные времена разными авторами пониматься по-разному (1), что, надо думать, привносит в историю некое «сослагательное наклонение» и накладывает отпечаток на нашу способность отыскать и истолковать истину. И, в любом случае, история не исчерпывается простым рядом сменяющих друг друга событий, на что нам указывает Гомер. В ней всегда есть «что-нибудь еще». Некая тайна, некие не известные еще нам секреты и смыслы. Есть также специфика нашего прочтения, понимания и истолкования того, что случилось во времени. Здесь надо сказать несколько слов о сослагательном наклонении, которого, якобы, не знает история, но которое, с моей точки зрения, не только существует, но и привносит в нее дополнительные измерения и смыслы.

По моему убеждению, науки «история», исторического объяснения, во всяком случае, не существует без ответа на вопрос, что было бы, если бы было не так, как случилось? Конечно, «в одну реку нельзя войти дважды» (Гераклит), и «ведь только одного и Богу не дано, не бывшим сделать то, что было сделано» (Агафон). Все это так, история однократна, одновариантна во времени, но чтобы правильно оценить, скажем, феномен Октябрьской революции в России надо знать не только вызвавшие ее «начальные условия», но и оценить чем для империи мог обернуться реализованный потенциал февральско-мартовской революции 1917 г. или куда привели бы Россию реформы Петра Столыпина. Словом, для полноты исторического объяснения придется привлечь сослагательное наклонение. Тем более, оно по-

требуется для проектирования истории. История не существует без сослагательного наклонения. Продолжим об истории, и ее смыслах.

Мы знаем о существовании различных толкований понятия «история», но главное, на что хочу обратить ваше внимание — это, различное понимание того, что значит «существовать в истории». Однократность истории имеет определенную специфику и обнаруживает некоторые смысловые нюансы. Позвольте привести слова из трактата Карла Моисеевича Кантора: «...история — это не только то, что реально произошло, но и все то, что хотя и не произошло, но могло бы произойти, все свободно мысленные, все нереализованные возможности, о которых мы можем судить на основании множества социокультурных отражений, толкований, пониманий одних и тех же событий». «Это придает особый статус действительности — она вероятностна. Нереализованные потенции присутствуют в истории как ее живые потенции» [Кантор 2002, 877]. Хочу полностью согласиться с автором процитированного фундаментального труда, и заметить, что в истории «живые потенции» часто становятся актуальностью, и появляется, возрождаясь для новой жизни, навсегда, казалось, ушедшее или подавленное. Так было с православием, после десятилетий «воинствующего», государственного атеизма и гонений на Церковь. Не исключено, а я даже уверен, что, невзирая на сегодняшнюю переоценку ценностей, еще долго будут жить также некоторые идеи, идеалы и следствия социальной революции 1917 г. В этих заметках я пытаюсь взглянуть с симпатией к некоторым ее ценностям и идеям, хотя предвижу определенные трудности на пути реализации этого проекта. Но буду стараться, имея в виду, что идеи не становятся ложными оттого, что однажды попали не в то время и в головы не тех исторических персонажей. Не стоит путать идею и ее носителя.

Карл Маркс называл революции локомотивом истории. Давно миновали времена, когда политическая власть требовала от меня безоговорочного согласия с классиком, поэтому замечу, что революция — это не одномоментный акт смены власти, но в России еще и последовавшая за ней Гражданская война, которую не хочется считать движущей силой истории. Или можно считать, но тогда придется признать, что в топку этого локомотива бросается слишком много человеческих жизней. Иное дело, если речь идет не о социальных революциях, а о революциях в наших головах и мыслях, которые часто предшествуют социальным. Прежде чем толковать о социальных революциях, стоит поговорить об этом феномене человеческой истории в целом.

Когда в сумерках протоистории вспыхнуло сознание, это было, разумеется, революционным скачком в эволюционном движении пред-

шественников Адама и Евы. Далее революции ускоряли и формировали движение универсальной эволюции; революционным был долгий переход от пралогического к логике и логическому мышлению. Хотя до Аристотеля было еще далеко, уже явились новые формы языкового общения. Новое мышление принялось создавать мифы, но вместе с ними также и религии, богов и нравственные кодексы. Сознание сочиняло и отображало новые условия и правила жизни. Человеческие группы объединялись в племена, нации, государства. Был изобретен язык экономики, каковым являются деньги. Это была одна из величайших революций, по важности сопоставимая с изобретением языка. Деньги стали управлять экономикой, а со временем стали знаком и мерилom ценностей, и в этом своем качестве вовсе не являются абсолютным благом. Язык, впрочем, также не только благо, он вполне может стать орудием и инструментом зла, но, в отличие от денег, он никогда не являлся идолом и предметом языческого поклонения, страстью и контролером. Конечно, нравственный контроль и кодексы не повредят не только деньгам, но и ни одному из возможных языков общения.

Правда, божественное происхождение мы стремимся приписать некоторым «языкам» поэзии, танца, живописи, музыки и «музыке в камне», или архитектуре. Это особые языки, они возвеличивают человека, делают его более совершенным, и они — предмет специального обсуждения. А пока важно отметить, что вместе с революциями, с языком, деньгами, кодексами, история проходила путь во времени, от каменного в железный век и дальше, постепенно осознавая себя единым для всех мировым процессом, с едиными мировыми ценностями в перспективе. Но, поскольку человечество раздирают политические и экономические страсти, необходимо приложить серьезные гражданские и правовые усилия, чтобы они не препятствовали движению истории к лучшему будущему и более совершенному обществу. Наша Революция рекомендовала назвать это движением к коммунизму, но под коммунизмом я должен понимать тогда не декларации в культурных, идеологических обрядах, как это бывало, а реальную цель на пути общества к социальному устройству, где действуют законы свободы и всеобщего равенства, где каждый может реализовать свои творческие потенции. Звучит торжественно и впечатляет. Жалко, что пока к этому не готова история.

Сейчас предлагаю вновь, в очередной раз пройти по дорогам истории. Существуют образцы поведения, которым можно подражать и многие подражали, и идеалы личности, могущие служить путеводной звездой на ее каменистых тропах. В коллективной памяти человечества присутствуют Соломон, Моисей, принц Гаутама Будда, Пророк Мухаммед. Вместе с Ницше мы слушаем, что говорил Заратустра. Еще были и учили Шаохао, Вьеса, Вальмики-Адикави, Вишамитра... Каждый вызывал революции в умах и творил (похожие)

моральные кодексы. Мои идейные предки соотносились с Христом, и хочу сказать о тех радикальных переменах, которые внесло христианство в миропонимание человека и об изменениях в морали, вместе создавших определенный, новый тип личности.

Мышление творило Пророков и оставляло заветы потомкам. Однажды Новый Завет возвестил о появлении новой, более совершенной Личности, основанной на стремлении к любви и новой морали. Любовь, познание и свобода были названы ее главными ценностями («Я научу вас истине, и истина сделает вас свободными», — провозгласил Христос-Любовь). Он же явил образ идеального человека-личности. Здесь мы видим революционный прорыв во всей системе мышления моих идейных предков, стремление к изменению жизни, бытия, сознания. Еще отмечу, что христианам было предложено вступить на путь движения к общечеловеческим ценностям. Личности было предписано искать смысл жизни не вне, а внутри себя, в глубине своей потаенной, дарованной Богом сущности. В награду личности была обещана победа над временем и бессмертие. Для моей темы важно отметить, что революции сопровождали эволюцию и создавали человека и личность.

Со временем человек изобрел сначала искусство, позднее науку, что явилось, конечно, революционным прорывом в сознании и движущей силой истории. Что касается искусства, то, мне кажется, что трудно, например, в живописи уложить в один эволюционный, постепенный ряд «Мону Лизу» Леонардо да Винчи, Рафаэля, полотна Ван Гога, авангардизм Роберта Фалька, цветовой абстракционизм Василия Кандинского и, скажем, «Черный квадрат» Казимира Малевича. Реализм, импрессионизм, экспрессионизм, сюрреализм... Не отношу себя к числу знатоков изобразительного искусства, но мне кажется, что к объяснению его эволюции следует привлечь «перерывы постепенности». Революционные скачки знали музыка и «музыка в камне». Мне не ведомы никакие «мягкие» пути эволюции от Моцарта к джазу, или от хижин к дворцам и храмам. В любом случае, эта эволюция мало напоминает поступательное, торжественное, движение народов «по главной улице с оркестром». Так, Ренессанс времен Леонардо, как считают, первого современного мыслителя, — это культурная революция, и жестокое время Чезаре Борджиа, время войн и тиранов.

Теперь о науке. Революции, понятно, не следует понимать как нечто всегда насильственное, хотя революции в науке далеки от идеалов демократии. Глубокие подвижки в науке и радикально новые истины принимаются отнюдь не большинством голосов. Более того, конфликт с современными ему духовными вождями, выражающими волю «большинства» мог дорого обойтись автору истины, как это случилось с Галилеем или Джордано Бруно. Как бы там не было, благодаря революциям, прежде всего в области космологии, физи-

ки и биологии, мы живем теперь не в центре мира и не на плоской Земле Птолемея. Ныне нашим «домом обитания» является одна из бесчисленного множества Вселенных, где, благодаря (случайному?) значению мировых констант, сложились условия, благоприятные для появления жизни и сознания. Сегодня в науке обсуждается задача создания теории всего. Она должна быть целостной теорией того, что мы наблюдаем, переживаем, с чем сталкиваемся — это могут быть физические объекты, живые существа, социальные и экологические явления, даже порождения наших фантазий, ума и сознания. Будущее покажет насколько это возможно.

Как уже, видимо, смог понять читатель, автор этих строк вовсе не намерен петь революциям одни только гимны. Вряд ли их заслуживают «революция роз» и другие «цветные революции» на территории бывших союзных России республик. Еще более проблематичными, имеющими уже мировые масштабы, являются последствия НТР, которую я бы поостерегся назвать прогрессом в области человеческого существования. Прогрессом надо считать нечто вполне положительное, а в нашем случае, наряду с многим полезным и радикально изменившим жизнь, «прогресс» сопровождается истощением запасов природных ресурсов; мы ворует нефть и газ у детей и внуков, поскольку мало озабочены поисками альтернативных источников энергии. Отходы производства выбрасываются в биосферу (диоксид углерода, в частности), что ведет к стремительной деградации среды обитания. Сокращаются запасы питьевой воды, вырубаются «легкие планеты» (леса), увеличивается опустынивание, снижается количество видов растений, животных, пресноводных и морских рыб. Не похоже, чтобы сегодняшняя «творческая эволюция» (Анри Бергсона) пребывала на пути к Богочеловечеству (Владимира Соловьева). Во всяком случае, если не случится перестройка, необходимая революция в умах, будущее «человека разумного» выглядит весьма не завидным.

Хорошо известны причины столь грустного обстояния дел. Они коренятся в основе современного миропорядка. В том, что глобальным поведением народов управляет не Ноосфера Тейяра де Шардена и В.И. Вернадского, не Коллективный разум академика Н.Н. Моисеева [Кантор 2002], а мировой олигархат и алчность правящих элит. Нами управляет неразумная склонность ко все большему потреблению товаров и услуг; утверждение этики, когда подобное потребление считается добродетелью. Былые идеалы христианского аскетизма стала все больше вытеснять диктатура владельцев финансов и «монетаризм». Логика сверхприбылей терзает планету и готова окончательно подчинить себе мировую политику. Ситуация угрожает возможными вооруженными конфликтами, терроризмом и локальными войнами. Пока локальными. Пока мы пляшем на лезвии термоядерной брит-

вы войны и мира, старательно делая вид, будто не знаем о глубине пропасти, в которую могут провалить нас финансисты и политики. Такую ситуацию можно обозначить как предреволюционную, т.е. такую, которая чревата серьезными социальными конфликтами. Вопрос заключается в том, как во благо человеку организовать наше коллективное сознание и коллективное бессознательное.

Предпосылками любой революции являются критическое, негативное отношение агентов исторического процесса к прошлому и настоящему, а также устремленность в лучшее, «светлое» будущее. Многие в характере революций зависят от степени указанного отрицательного отношения и от ожидания масштабов грядущих преобразований. Мы уже добрались до социальных революций, а от них недалеко и до Октябрьской революции 1917 г., которая отличалась крайним радикализмом и в критике, и в надеждах, до революции, которую нужно оценить «без гнева и пристрастия», как советовал Тацит. Не знаю, справлюсь ли я с этим заданием, ибо эта революция не просто событие и процесс, — она, что существенно, исторический символ, окрашенный различными историческими цветами. Главным образом, белым и красным. Краски, ясно, несколько потускнели, но совсем не исчезли с художественного полотна истории. Для одних она является Великой революцией, для других — это катастрофический для России «Октябрьский переворот». Возможно, по-своему, правы и те, и другие. Давайте разбираться.

Начнем с того, что столкновение идеалов и жизни может иметь причиной отнюдь не только народное неразумие или волю реакционной политической власти, оно может корениться в противоречивой природе человеческих отношений и ценностей. Так, со времен Французской революции в мире стали распространяться идеалы равенства и личной свободы, что кажется ее большим достижением. Но эти две ценности вступают в противоречие друг с другом и с движением истории. Душа человека не вполне «чистая доска», на которой опыт пишет свои письма, как полагали древние стоики, а, позднее, сенсуалисты. Люди от рождения, генетически не равны потенциями и талантами, хотя потенции мозга надо развивать образованием. Равенство можно обеспечить, только ограничив свободу тех, кто ее больше заслуживает от природы. Если человеческое общежитие предоставит свободу поступать как вздумается любому из «сапиенсов», то на этом и закончится их равенство, а свобода обернется полным хаосом, с возможной новой революцией в итоге. Всю историю политической жизни, начиная с 1789 г., по крайней мере, можно понять и представить как ряд попыток разрешить противоречия между одновременным стремлением к равенству и свободе. Это путь, на котором можно встретить разные виды социальных революций.

На нем же, на пути к равенству и свободе, проросли и вызрели плоды Октябрьской революции 1917 г. в России, изменившей судьбы мирового глобализма. Стоит поговорить о ее проблемах, провалах и несомненных достижениях. Революция с самого начала стала порождать героев, вождей и пророков, легенды и мифы, однако, и без мифов ее идеология производила много загадочного и неоднозначного. Революция и Гражданская война были названы борьбой за освобождение пролетариата (в крестьянской стране), а в качестве целей были объявлены свобода и равенство народов в единой стране социализма. Это в идее, а на практике, даже после окончания Гражданской войны, можно наблюдать определенное революционное своеобразие. Вожди революции, наряду с привлекательными лозунгами, «объединяли» народы, используя террор и насилие, уничтожение классов, депортацию, переселение народов, а далее эгалитарный идеал коммунизма породил тиранию, жестко контролирующую каждую отдельную жизнь. «Революционная целесообразность» только усилила то, против чего выступали трудящиеся классы — эксплуатацию и бедность. Все это, понятно, надолго осталось в памяти народов, оказало влияние на их судьбы и в итоге способствовало развалу сверхдержавы. Те, кто не в восторге от нашего былого социализма, имеют для этого определенные основания. Но и те, кто принимает и славит Революцию, могут опираться не только на собственные убеждения и веру в ее идеалы, но и на вполне реальные достижения и победы, включая освоение крайнего Севера и полеты в Космос. Для разъяснения указанной нестыковки и противоречия в умах предлагаю обратиться к ее причинам, истокам и не отмеченным еще результатам.

Мне кажется, что причины революции не исчерпываются только теми, на которые сегодня справедливо указывают историки (низкий уровень жизни, стремление к свободе и пр.) Александр Чижевский, например, смотрел на социальные взрывы и революции, как на результат усиления солнечной активности. Кроме солнечной активности могу назвать определенные, сотворенные историей черты русского национального характера, а именно, то, что среднестатистический русский не любит закон, а радикальные перемены предпочитает постепенным преобразованиям. Далее, полагаю, что среди причин вызвавших Октябрьскую революцию, следует отметить проигранные царизмом войны. Ни одна из известных революций не следовала после победоносной войны. Победы только укрепляли режим, тогда как проигранные войны провоцировали состояние социального хаоса и стремление сменить власть. В предреволюционные годы Россия терпела неудачи в войнах на Востоке и на Западе империи. Назову только проигранную Русско-японскую войну (1904—1905). Что касается Временного правительства, то оно под руководством князя Львова, разрушило всю машину государства, включая полицию и военную

контрразведку, и просто обречено было на поражение в Первой мировой войне (1914–1918). Можно и далее вспоминать историю, но лучше отмечу, что революция победила в умах еще и потому, что решительно отказалась от наследия поражений, а ее победы над весьма серьезным противником в Гражданской войне, а затем и в других (локальных) войнах, в итоге серьезно укрепили в глазах народа авторитет солдата, красноармейца революции.

Победа в Великой Отечественной войне стоила народу большой крови и принесла мировую славу уже советскому воину-освободителю, о чем наши бывшие союзники и многие освобожденные быстро и намеренно забыли, но что навсегда останется в памяти и преданиях потомков победителей. Все это хорошо известно и вряд ли нуждается в моих комментариях. Кроме того, итогом Победы явилось знамя, на котором история нарисовала портрет Верховного Главнокомандующего. Вот в этом уже, наряду с прозрачным и явным, много туманного и скрытого. Похоже, это по большей части автопортрет, а не рисунок истории. Во всяком случае, никаким полководцем маршал Сталин, конечно, не был, хотя постоянно отслеживал политические, государственные аспекты войны и Победы. Не только отслеживал, но и стремился обернуть их на пользу державе и Империи. По этой причине «дело Сталина» и по сей день живет в благодарной памяти российского народного империализма. Сталин неотделим от революции, поэтому нам следует задержать на нем свое внимание. Надо воздать ему по заслугам его и по делам его.

Сталин И.В. — это человек и символ. Подобными людьми-символами в истории России были, к примеру, Иван Грозный и Петр Великий, каждый со своей исторической спецификой. Все трое во многом похожи и проросли легендами и мифами в народном сознании. Важно, что человек и символ живут каждый по взаимосвязанным, но по собственным законам. Так, как человек интересующий нас Джугашвили-Сталин, обладал безграничным честолюбием, страстью и волей к власти. Похоже, что власть была для бывшего семинариста тем языческим идолом, которому он мог принести любые жертвы. Конечно, миссия, которую он интригами и репрессиями возложил на себя после захвата власти большевиками и Гражданской войны, предполагала наведение порядка и усмирение разыгравшихся страстей. Ему надо было исполнять функции стабилизатора народной жизни и строителя нового государства (под аккомпанемент ленинской формулы об отмирании государства при социализме). Ему и политической власти пришлось восстанавливать экономику в условиях внешней изоляции страны. В итоге с задачей вождь и партия справились, но народ заплатил за это высокую цену, и это не тот случай, когда победителей не судят. Была ликвидирована неграмотность, открыт доступ к образованию широким народным

массам, получили развитие ряд фундаментальных и прикладных наук, осуществлены электрификация и индустриализация, созданы вооруженные силы – Армия, Авиация и Флот. Все это так, но вместе с этими и иными славными делами, в Красной Армии репрессиями устраняли высший и средний командный состав; был сооружен «Архипелаг ГУЛАГ», создана преисподняя концлагерей и «шарашки», где на обитателей пытались воздействовать насилием и страхом. Конечно, и в этих условиях многие сохраняли достоинство и творили по собственной воле и убеждениям, но Вождь пытался сделать движущей силой революционных преобразований страх и насилие. Не самый, надо думать, эффективный способ пробудить творческую активность, но при определенных условиях это может принести некоторые плоды. Словом, «господствовать легко, управлять трудно», – приходится признать правоту Гёте. Так поступал человек, а «гений», символ Революции, «Отец народов» публично критиковал старания пропаганды сотворить культ из его личности и в 1948 г. формально отменил смертную казнь, скажем. Фигура он крайне противоречивая, поэтому будет лучше, если о нем расскажет не только ученый трактат, но и художественный образ, как это проделал в своей книге о Сталине Эдвард Радзинский [Радзинский 2012].

Теперь отмечу, что ответ на поставленный вопрос о том, кто прав в оценках места и роли Октябрьской революции 1917 г., ее противники или сторонники, зависит от того, на чем, на победах или на преступлениях мы станем концентрировать свое внимание. Ответ, полагаю, относится больше к области убеждения и веры, чем знания. Зависит от того, какие ценности вы исповедуете. К тому же, сто лет слишком малый срок для получения окончательного ответа, если он вообще может быть найден. В.О. Ключевский полагал, что должно пройти триста лет, чтобы события (процессы) в России получили объективную оценку. Подождем... На этом следует завершить тему Октября и Вождя, хотя история ее еще не закрыта, сожалею, что не сообщил читателю ничего нового, кроме своего личного, субъективного к ней отношения. Пожелания Тацита исполнены мною только отчасти: отношусь к Революции иногда с гневом, иногда с пристрастием.

Наконец, следует обсудить еще одну важную тему: Октябрьская революция и культура. Скажу об этом несколько слов и начну с того, что психологические, нравственные и иные последствия Гражданской войны были крайне негативными для «общественного бытия и сознания». Стихия народного бунта не щадила человеческие жизни и ценности культуры. Много культурных ценностей было разграблено или вывезено за границу. «Прежней культурной среды уже нет – она погибла, – писал в 1919 г. К. Чуковский, – и нужно сто лет, чтобы создать ее. Взамен прежней, однако, была довольно образована, не

отрицающая заслуги старой, новая культурная среда, проросшая именами М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, А.Ф. Loseва, Д.С. Лихачева, В.Б Шкловского, М.Я. Гефтера, Н.И. Конрада, Е.В. Тарле и другими»; цит. по: [Кошман 2002 (ред.)].

Конечно, социальную революцию, как насильственное изменение всей системы социальных отношений, сегодня вряд ли нужно рекомендовать истории, тем более разыскивать ее Божественное происхождение. Многие мои предки, правда, думали по-другому. Оскорбленные и униженные поражениями царизма, они ждали и звали Революцию, как ждут Второго Пришествия, когда с Небес будет сказано: «Се, творю все новое». Не удивительно, что в поэме «Двенадцать» А. Блока «в белом венчике из роз» впереди солдат революции шагал «невидим и для пули невредим» Христос, а у предреволюционного Николая Гумилева читаем:

Победа, слава, подвиг – бледные
Слова, затерянные ныне,
Гремят в душе, как громы медные.
Как голос Господа в пустыне.

Теперь время подвести некоторые итоги сказанному. Любая революция (включая социальную) всегда имеет свою духовную и символическую составляющую. Она – идея и исторический символ. Жалко, что вопрос о роли символов в истории оставлен нами без детального рассмотрения и обобщений, но эту задачу оставим другому исследованию. Сейчас же хочу отметить, что, несмотря на лежащую в основе грубую реальность, если превратить революцию в символ (народного социализма, народовластия, коллективизма, побед и пр.), то символу десятилетиями можно поклоняться с почти религиозным энтузиазмом, что и делала советская власть, пока не уснула в объятиях собственных вождей.

Как уже отмечалось, список революций отнюдь не сводится к насильственным социальным переворотам, а последние никогда не несут с собой тех благ, которых ждут от революции энтузиасты. Но и, отвлекаясь от переворотов, надо сказать, что и без них случились революции с весьма проблемными последствиями. Выше говорилось о том, какие проблемы для экологии и животного мира планеты несут с собой блага промышленной и научно-технической революций, теперь добавлю, что наша некогда голубая и зеленая среда обитания все более превращается в конструкцию из бетона, стекла и пластика, где с возрастающей скоростью размножаются «сапиенсы». Не внимая Мальтусу, размножаясь, мы движемся путями разрушительных войн, геноцидов, холокоста, от Первой мировой войны ко Второй мировой,

от них к холодной и в перспективе к Третьей, последней войне. К концу отпущенного человеку времени. По счастью это не все потенциалы, которыми наделила нас история.

Конечно, в будущем нас ждут гонки на выживание, мы будем метаться между желанием обновить технологии и вызванными самим же человеком природными катаклизмами, вроде глобального потепления, таяния ледников и загрязнения окружающей среды. Вспомним, однако, о том, что однажды свершилась и жива еще «когнитивная революция», и можно поручить нашей коллективной мудрости поиски ответов на вызовы времени и истории. Революции последних двух столетий были столь радикальны, что изменили самые основы социального уклада жизни, меняют образ мыслей, привлекая возможности интернет-сообщества, которое пока не стало отдельной социальной группой, но к этому дело идет. Поэтому мы поручаем собственной рациональности совсем не простую задачу. Еще лучше поручить ее «знанию и вере», – в последний раз в статье вспомним Августина. Мы подошли к тому, чтобы, невзирая на противоречивость и разнообразие революций и на то, что иногда революция – это грубая и кровавая реальность; несмотря на все это, хочу сказать о них некое похвальное слово. Для этого надо обратиться к личности и к задачам личности.

Столетия истории определили смысл жизни личности в реализации ее творческих потенциалов. В творчестве – самораскрытие и самопознание человека. Существование личности взывает к свободе творчества, но главное, чтобы творчество происходило под контролем общечеловеческой морали, иначе личность начинает творить и может применять орудия самоистребления. Творчество предполагает наличие революций в науке, в искусстве, в познании и в организации, социологии познания. Революции – это закон творчества; они утверждают, что творчество не имеет завершения в истории. История всегда сохраняет возможности для творчества, для радикального поворота событий и мыслей, для революций.

Считаю, что мои слова благодарности революциям вполне обоснованы.

ПРИМЕЧАНИЕ

Разные смыслы и значения понятия «история» хорошо представлены: [Савельева, Полетаев 2008].

ИСТОЧНИКИ

Кантор 2002 – Кантор К.М. Двойная спираль истории. – М.: Языки славянской культуры, 2002.

Кошман 2002 (ред.) – История русской культуры IX–XX вв. / под ред. Л.В. Кошман. – М., 2002.

Моисеев 1999 – *Моисеев Н.Н.* Быть или не быть... человечеству? – М.: Ульяновский Дом печати, 1999.

Радзинский 2012 – *Радзинский Э.С.* Иосиф Сталин. Гибель богов. – М.: Астрель 2012.

Савельева, Полетаев 2008 – *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Теория исторического знания. – СПб.: Алетейя, 2008.

THE WORD ON REVOLUTIONS. THE MAN THROUGH TIME AND HISTORY

A.E. RAZUMOV

Summary

Revolution is a controversial phenomenon in human history. In order to understand its significance, one has to use a lot of subjunctives: what would have happened if... Despite its cruel and violent nature, revolution can become a symbol and an inspiration for many generations. Just like in my country, where people honored the achievements of the October revolution of 1917, although this was achieved through terror and execution of the “people’s enemies” under the leadership of the “Father of Nations”, Stalin. The list of revolutions may vary. It can include social events, varying from changing the political structure through the means of violence, deformation of public relations, or the “reboot” of one’s mind as a result of radical changes in the creative work and its evaluation or due to a scientific progress. Revolutions change our attitude toward the world and toward ourselves. In this article, the author tries to follow the entire phenomenon of revolution, and comes to a conclusion that revolutions (overall) have a positive effect on history. Revolution is a sort of creative act, it is a result of an individual’s creative actions. Revolutions reveal the creative potential of the individual.

Keywords: revolution, history, violence, justice, liberty, culture, creativity, individual.

Razumov, Alexandr – Senior Research Fellow at the Department of Methodology of the Interdisciplinary Study of Human, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

Citation: *RAZUMOV A.E.* (2017) The Word on Revolutions. The Man through Time and History. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 4, pp. 7-20.

REFERENCES

Kantor K.M. (2002) *A Double Spiral of History*. Yazyki Slavyanskoy Kul'tury, Moscow (in Russian).

Koshman L.V. (2002) (ed.) *History of Russian culture of 9th-20th centuries*. Moscow (in Russian).

Moiseev N.N. (1999) *To Be or not to Be... to Humanity?* Ulyanovsky Dom Pechati, Moscow (in Russian).

Radzinsky E.S. (2012) *Joseph Stalin. Death of gods*. Astrel, Moscow (in Russian).

Savelyeva I.M., Poletaev A.V. (2008) *Theory of Historical Knowledge*. Aletheia, Saint Petersburg (in Russian).